

Наталия Филимошкина

Предрассветный сумрак

Наталия Владимировна Филимошкина

Предрассветный сумрак

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6507051*

Аннотация

Средневековая Европа. Людовик VIII ведет жестокую борьбу с еретическими движениями катаров и вальденсов. На фоне исторических событий разворачивается человеческая драма – противостояние еретика и инквизитора.

Наталия Филимошкина

Предрассветный сумрак

(*повесть о
заблудившейся душе*)

*Еретик – не тот, кто горит на костре, а тот,
кто зажигает костёр.*

В. Шекспир.

Страшный, обезумевший от боли крик разнёсся в гулких коридорах подземелья.

Давид крепко зажмурил глаза, от страха и отчаяния сердце выпрыгивало из груди. Кто-то рядом застонал, зашевелился, замер, потом вновь застонал, бессвязно бормоча. Острая жалость сдавила грудь. Давид осторожно приподнялся, в темноте разглядывая Карла.

– Что? Ты, что-то говоришь? – он медленно подползал к нему, стараясь не причинять боль раздробленной правой ноге. – Ты, что-то говоришь, мальчик мой? Не бойся, всё будет хорошо. Вот увидишь, скоро ты вернёшься домой, – Давид осторожно положил руку на плечо Карла, – как же обрадуется твоя Марта, когда... – он вдруг резко отдернул руку. – Господи!

Сердце зашлось от отчаяния поразившего его, холодная

пустота заполнила душу. Дрожащей рукой он закрыл изуродованное пытками лицо, пряча от невидимой темноты слёзы.

– Прости меня! Прости за то, что издеваюсь. Господи! Да за что же всё это!?

У Карла не было ушей. Сегодня, на утреннем допросе, палач их... Уткнувшись в плечо другу, Давид плакал. Он говорил с тем, кто больше никогда, ничего не услышит. Никогда! И ничего! Ему было страшно. Теперь враги подбираться и к нему. Такому одинокому и старому. Давид почувствовал, как сотни рук, появившись из страшной темноты, хватают его за одежду и пытаются утащить. Куда-то далеко. По сырым, грязным коридорам. Всё туда же, в каменную нору, где пахнет кровью и человеческим потом, а в камине – дикий огонь, где на полу железные прутья, стальные обручи, цепи, а чуть дальше, в огромном ковше, кипяток. И руки тянут его к этому кипятку, а он упирается, пытается кричать. И вот его голову наклоняют, и горячий пар разъедает лицо, глаза...

Давид замычал, сильнее прижимаясь к плечу Карла. Сейчас это только видение, но в любое мгновение оно может стать реальностью.

Он лежал на гнилой соломе, широко открыв глаза, мечтая о том, чтобы сердце остановилось, исчезла мгла, и опять было небо и солнце...

– Господи, когда же всё это кончится!?

Карл умер на рассвете. И потрясенный, надломленный бе-

дой старик забившись в дальний угол камеры, горько плакал. Он жалел Карла, самого себя, проклинал инквизитора, и охрипшим сорванным голосом молил, а потом и требовал у Бога пощады. Окончательно потеряв над собой контроль, в каком-то нервном истеричном припадке Давид бросался на дверь камеры, бился об неё головой, стучал кулаками и выкрикивал страшные проклятия своим палачам. Вбежавшие в камеру стражники скрутили ему руки, связали веревками и, удостоверившись, что он не сможет причинить им никакого вреда, принялись избивать до тех пор, пока Давид не потерял сознание.

Вначале было очень холодно. Но всё ближе подходя к выходу из туннеля, Давид чувствовал тепло и видел, как темнота уступает место свету. Вон тому, маленькому огоньку, до которого не так уж и далеко идти. Нужно только дойти, нужно только пройти мрачный туннель, в котором пахнет плесенью и смертью. И тогда он окажется на улице среди людей. И кто-то станет кричать за спиной, чтобы он посторонился, и голова начнет гудеть от всевозможных запахов и шума и в глазах зарядит от проплывающих мимо носилок знатных господ, тонущих в пестром людском море. Теперь-то он знает, что значит дышать полной грудью, наслаждаться свободой, радоваться, смеяться. Он будет просто жить в этом другом, почти забытом им мире. В мире без насилия и пыток, где в любое мгновение можно посмотреть на солнце и рассмеяться весёлой шутке друга. Но вдруг Давид чувству-

ет, как ноги скользят, он падает в грязную, вонючую лужу и опять темнота накрывает его и становится очень холодно. Давид кричит или только шепчет, он уже и сам не знает. Видение исчезает и вместо выхода из туннеля – грязная мокрая стена...

– Эй ты, давай вставай, – кто-то толкнул ногой в бок. С трудом открыв глаза, Давид осторожно пошевелил руками, затем напрягся, помогая себе встать. – Поторапливайся!

Обезумевшим взглядом обвел стены камеры, так и не понимая, где находится.

– Где я?

– В раю, где ж ещё быть евреям!

Весёлый смех двух стражников тупой болью отозвался в голове. Прикрыв глаза, которые болели и щипали, Давид криво улыбнулся.

– Это хорошо, что в раю.

Его взяли под руки и поволокли по сырому, грязному коридору в каменную нору, или, как шутя называл ее инквизитор, камеру удовольствий. Давид растерянно улыбался. Или, быть может, он просто притворялся, чтобы скрыть смятение, боль и страх?

Старый еврей хорошо знал эту проклятую арестантами дорогу. Сейчас прямо, затем налево, потом по скользкой каменной лестнице вверх, и еще вверх, и опять прямо и налево. И так до бесконечности, изо дня в день, пока он не сойдет с ума, или не умрёт, как Карл, тихо и незаметно.

Давид вздрогнул – перед ним была дверь. Массивная, дубовая, обитая кованым железом. Такую не вышибешь и не разломаешь. Один из стражников постучал, и она тут же открылась. Старый еврей почувствовал, как зашлось сердце. Он крепко зажмурился, боясь смотреть на этот жуткий мир, в котором жил и к которому уже привык. Стражников грубо его втолкнул. Не удержавшись на левой ноге, Давид упал на каменный пол. Еврей попытался встать, но боль скрутила тело и, на какое-то мгновение он потерял сознание. С усилием встряхнув головой, от которого, как показалось Давиду, она чуть было не слетела с плеч, он делал бесполезные попытки подняться. Страх и боль сковывали движения. Он извиняюще улыбался, задирая кверху голову и пытаясь поймать взгляд палача, но почему-то упорно избегал смотреть на высокое, дубовое, грубое кресло, стоявшее посредине камеры, возле длинного узкого стола.

– Да поднимите же его! Он что, так и будет на полу валяться?

Этот резкий, недовольный голос вселил в Давида успокоение и уверенность. Он смело посмотрел на кресло и с облегчением вздохнул. Оно было пустым. Положив большие, крепкие ладони на плечи еврея, палач резко дёрнул его на себя, от чего Давид, чуть было не потерял сознание. Поддерживая за руку, палач подвел его к помощнику инквизитора, итальянцу Рене Клауделино. Тот сидел на широкой скамье возле стола. Крепко сжав тонкие губы, он недовольно смот-

рел на старого еврея и палача.

– Да оставь ты его в покое!

Палач послушно отошёл в сторону. Оказавшись без опоры, Давид покачнулся, но на левой ноге всё-таки удержался, правая была раздроблена, а сидеть на полу не разрешалось.

Его одновременно и радовало и беспокоило, что в камере кроме Рене Клауделино больше не было ни одного представителя Священного трибунала, если не считать писаря, что сидел в дальнем конце стола.

– Имя и фамилия?

Маленький старый горбун, исполнявший обязанности писаря, тут же склонился над листком пергамента. В камере царил полумрак, коптили факелы, в камине гудел огонь, цепи, от сильных сквозняков, подвешенные за крюк тихо позвякивали.

– Давид Кацнельсон.

Рене Клауделино недовольно поморщился и с тоской посмотрел на еврея. Он заранее знал, какие вопросы будет задавать и какие ответы на них услышит. Не в первый и видимо не в последний раз перед ним стоял этот арестант. Как обычно, помощник инквизитора заметил:

– У тебя гадкая фамилия. Еврейская.

Давид неопределенно пожал плечами. Он уже научился не держать зла на столь обидные слова.

– Как давно живёшь в Бремене?

– Всю жизнь.

– Сколько тебе лет?

– Пятьдесят два.

– Чем занимаешься?

– Ювелир.

– У тебя есть семья?

– Да, двоё взрослых сыновей. Они тоже ювелиры.

– А жена?

– Она больна, поэтому не работает, больше домашним хозяйством занимается.

– Тоже еврейка?

– Нет, немка, её зовут Герта.

– У тебя есть братья, сестры?

– Был брат. Он умер двадцать семь лет назад.

– И от чего он умер? – Клауделино задал вопрос таким елеинным голосом и так пристально посмотрел на Давида, что тому стало не по себе.

– Он ... он был приговорен к смерти.

– Что ты говоришь! – Рене с сочувствием посмотрел на еврея. – И, кто же вынес ему столь страшный приговор?

Давид закрыл глаза и выпалил:

– Крестьяне.

– Что же им сделал твой брат?

Старик неопределенно мотнул головой.

– Это были беглые крестьяне и скрывались они в господском лесу. Однажды, мой брат, проезжая через лес, был ими схвачен. Над ним издевались, ограбили, а потом приговори-

ли к смерти. Его утопили.

– Ну что ж, – Клауделино на мгновение задумался, – такие преступления уже давно стали частыми в наших землях. А, как звали брата?

– Михель Кацнельсон.

Клауделино вдруг стал серьёзным.

– Ты всегда откровенен с церковью?

– Всегда! Мне нечего скрывать, моё имя честное и незапятнанное!

– Ты помнишь, что ложь – это один из смертных грехов?

– Я никогда не беру столь страшный грех на душу!

– Если бы все были такими как ты, – Рене мечтательно поднял глаза кверху, но увидев паутину, недовольно поморщился, – может и еретиков не было бы? И крестьяне занимались бы своим делом, а?

– Не знаю, – Давид смущенно пожал плечами.

Опустив голову, он внимательно изучал цепи на ногах, пытаясь сосредоточиться хоть на какой-нибудь мысли.

– А, что ты делал в деревушке Айслебен, где тебя арестовали?

Еврей нервно дёрнул плечами.

– Гостил у старого друга.

– Хочешь узнать, кто донес на тебя?

– Я догадался.

– Что ж, ты не глуп Кацнельсон. – Рене внимательно посмотрел на старика. – Как давно ты был в ювелирной мастер-

ской?

Давид немного подумал, что-то высчитывая про себя.

– Три месяца.

– И, где ты находился всё это время?

Еврей неопределенно пожал плечами.

– Разные дела...

– Какие дела?

– Ездил в Люнебург, чтобы одному господину отдать заказ.

– Что за заказ?

– Брошь.

– Ты был без охраны?

– Да, чтобы не привлекать внимания.

– И не боишься?

– Это часть моей работы. Хотя бывает и страшно, теперь на дорогах много разбойников.

– Да, – Клауделино горестно вздохнул, – увы, теперь их много. А, как зовут господина, которому ты отвозил заказ?

– Барон фон Оффенбахен.

– После этого ты больше никуда не ездил?

– Нет.

– В таком случае, у нас получается недоразумение.

– Я не понимаю.

– Я тоже мало что понимаю. Совершенно недавно объявился человек, который утверждает, что месяц назад видел тебя в Гамбурге. Странно, как это он мог тебя там видеть?

Сколько ты у нас уже?

– Два... месяца, – еврей не узнал своего голоса: хриплый, грубоватый, приглушённый. – Но он мог ошибиться.

– Мог. – Рене согласно кивнул и как-то озабоченно посмотрел на старика. – Однако он утверждает, что видел Давида Кацнельсона, то есть тебя! Что ты на это скажешь?

– Это какое-то недоразумение, меня там не было! – голос звенел болью и отчаянием, но старик знал, к сожалению, на помощника инквизитора это не произведет впечатления.

Повернувшись к палачу, стоявшему возле маленького стола, Клауделино медленно, смакуя каждое слово, произнес:

– Милейший, будь добр, приготовить инструменты для пыток.

Детский смех прерывался, и тогда начинала играть флейта.

Иногда ей подвывала собака.

Широко раскинув руки, Давид лежал на мокрой от утренней росы траве. Он вслушивался в пение птиц, в мелодичные звуки флейты, в лёгкий шёпот полевых цветов и чувствовал себя единым целым, неотторжимой частью мироздания.

Спокойствие. Гармония. Вселенческая идиллия.

Мир искрился цветами радуги, заставляя забывать о том, что где-то существует зло и несправедливость. Разве могут волшебные звуки флейты причинять боль? Мир добрый, очень добрый. И в памяти всплывали обрывки фраз из Еван-

гелия, и певучий монотонный голос апостола убаюкивал, погружал в лёгкие сны, и даже кузнечики, как заклятие, повторяли первобытную истину, открытую сыном богатого лионского купца Петром Вальдо.

Никто не должен ничем владеть.

А потом всё исчезало, проваливалось в бездну. И опять был тёмный туннель, и Давид шёл к свету и свободе, и надеялся что дойдет, и каждый раз падал в грязную лужу, а вместо выхода всегда была мокрая, каменная стена...

Давид проснулся от боли.

Ад продолжался. Грязные стены. Вода по щиколотку, крысы, холод, истошные вопли переходящие в безумный истеричный хохот, видимо кого-то пытали прямо в камере.

Его тошнило, тело скручивало от боли. Голова раскалывалась, разваливалась на куски... И еврей хватался за неё руками... Или ему только это казалось... Потому что она всё по-прежнему разрывалась от дикой, нестерпимой боли. Поднеся левую руку к виску чтобы утереть кровь, Давид закричал.

Ошарашено смотря на обрубки, и чувствуя, как нервная судорога сотрясает тело, из больного сознания старика всплывали жуткие картины ужаса... Палач с ужасным лицом, Клауделино с маленьким бегающими глазками и дрожащими от нетерпения руками. Потом был какой-то хруст. И кровь, очень много крови. Потом, кто-то кричал. Страшно кричал. Лишь через мгновение Давид осознал, что это он и кричит.

И боль...

И сейчас боль. И страх.

Что-то он сделал не так.

Старик осторожно провёл обрубками по лицу. И от этого стало ещё страшней.

Что-то он сделал не так.

Не надо ему было ехать в Айслебен. И тогда ничего бы и не было.

Давид судорожно вздохнул и вытер грязным, с каплями крови, правым рукавом, слёзы.

Потом разорвал его. И с бешено бьющимся сердцем от боли и страха, перевязал левую ладонь.

Он заврался, запутался. Теперь он и сам уже ничего не понимает. А ведь инквизиция докопается до правды, до всего докопается. Нужно всё вспомнить. Всё, с самого начала. Допросы, собственные ответы, иначе ошибка, которую он допустил, поддавшись и впустив в свою душу страх и отчаяние, может стоять ему жизни.

И в памяти возникали разорванные, туманные воспоминания, соединяясь и отторгая друг друга, они создавали картину, цепь необъяснимых поступков, которые совершались под наплывом первобытного животного страха и которые не мог уже объяснить даже сам Давид. Как выпутаться? Как уцелеть, остаться в живых? О, будь проклят тот день, когда он решил ехать в Айслебен! Будь проклят Давид, который всю жизнь сидит в его голове! Словно заноса или смертель-

ная болезнь, даже время не смогло выковырять память о нем из сердца. Как спастись? Зачем, зачем, он всё это придумал?

Вновь и вновь его тело переживало муки пыток: испанским сапогом, дыбой, каленым железом. Вновь и вновь его страдавшаяся, измученная душа рвалась на свободу, и в такие мгновения им овладевало безразличие. Ему хотелось ещё раз увидеть звёзды, голубое небо, ощутить вкус белого холодного снега, а затем умереть, навсегда убежав от тоски и жуткого кошмара.

Уже в который раз, он обводил взглядом полным надежды полутёмную камеру, освещаемую маленькой свечой, в поисках чего-нибудь похожего на крюк. Но ему тут же становилось стыдно за свое малодушие. В такие минуты Давид закрывал глаза и заставлял себя спать. Во сне многое было по-другому, по крайней мере тоска и отчаяние становились глуше. Больше всего на свете он боялся поддаваться искушению дьявола, может поэтому единоверцы считали его не слишком надёжным человеком? А может быть и по другой причине.

На следующий день за ним опять пришли. И вновь лестница, повороты налево, массивная дубовая дверь, пытки, пытки...

С каждым днём ему всё труднее становилось отвечать на самые простые вопросы. Он стал забывать своё имя, возраст... Искалеченное пытками тело постоянно ныло. И лишь иногда, старому еврею удавалось немного забыться в беспмятстве или полудреме. Но все чаще в сон вкрадывалось бес-

покойство и тревога. Он боялся даже во сне, боялся того, что с ним происходило в последнее время, боялся самого себя: грязного, заросшего, с раздробленной правой ногой, с тремя обрубками на левой руке. Его страшила собственная перемена, и он готов был по ночам выть.

Лежа на гнилой соломе и приходя в себя после допроса, Давид вдруг осознал, что остался совершенно один. Больше не было Карла, той единственной ниточки, что связывала с жизнью, оставшейся за толстыми стенами тюрьмы. Умер друг, и есть ли теперь смысл в жизни? Подперев под себя руки и осторожно приподнявшись, он медленно подползал к двери. Его пальцы утопали в грязной жиже, каждое движение отзывалось тупой болью, будто копьём протыкали. Стиснув зубы и приглушенно рыча, Давид пытался доказать самому себе, что ещё жив.

– Выпустите меня отсюда! Выпустите!

Тяжело переводя дыхание, он осторожно опёрся левым плечом на дубовую дверь и, ударив по ней кулаком закричал от боли, перед глазами пошли тёмные круги, сердце подступило к самому горлу... Его вырвало. Плача и всхлипывая, Давид униженно пополз обратно. Уткнувшись головой в гнилую солому, он заплакал навзрыд.

– Выпустите меня, я хочу домой! Карл! Карл, вернись ко мне! Вернись!

Почему его мучают? Почему он страдает? Каким же должен быть жестоким Бог, раз смотрит на это сквозь пальцы?

Да Бог! Всё ещё всхлипывая, Давид закрыл глаза. Надо как можно скорей уснуть, иначе червь сомнения начнёт грызть его душу. Старик почувствовал, как проваливался в темноту, мир уплывал, и его место занимали беспокойные сны и видения. Мысли путались, становились неясными, Давид делал последние попытки, но жуткие сны уже накидывали на него липкие паутины и расставляли изощренные ловушки. Он видел древние леса, звёзды, Карла... Черная тоска съедала сердце. А потом были видения: усталый, грязный, одинокий человек нес крест, а впереди бесконечная дорога, сливалась с горизонтом, где виднелись башни мрачных замков рыцарей Круглого Стола. И даже сквозь тяжёлое покрывало сна, Давид чувствовал смертельный страх от собственных мыслей.

На следующий день вновь допросы и пытки.

Давид избегал смотреть на инквизитора. Старому еврею казалось, что тот, одним взглядом проникал в душу, читал самые сокровенные, грешные мысли и догадывался о том, что недавно он отрёкся от Бога. И ему было страшно. По-настоящему страшно. От этого страха путались мысли, Давид переставал соображать, начинал заикаться. Ах, если бы он был молодым, он убежал бы опять, как когда-то... почти тысячу лет назад. Но теперь он старик, уставший, истерзанный, одинокий. Постепенно он проникался жаждой смерти и незаметно для себя становился рабом отчаяния, превращался в скота теряя человеческий облик. Им овладевали сла-

бость, безволие и разочарование. Его низкая маленькая камера, в которой невозможно встать во весь рост, была загажена, в этих нечистотах он и спал. Давид опустилсЯ и очень быстро сломалсЯ. Он перестал следить за календарём, в виде палочек начерченных на стене, что сейчас день или ночь, еврей не знал и знать не хотел. Поначалу эта неопределённость давила на него, но вскоре он привык. В его камере была вечная тьма, точнее полумрак, он дышал, жил, двигалсЯ. Непонятное существо все время находившееся рядом с ним. Существо, которое пугало и страшило, которое умело пробираться, проскальзывать, проникать в душу. И пока Давид спал, существо бегало к инквизитору доносить о его мыслях и надеждах. И инквизитор выслушивал его, а потом, наверное, смеялся, весело так смеялся.

Бесконечные дни тянулись долго и медленно, обрастая липкой паутиной страха, отчаяния и тоски. Давид барахталсЯ в этой жиже, но чем больше усилий он прилагал, тем сильнее его тянуло ко дну. Он училсЯ привыкать ко всему. И к страху, и к пыткам, и к издевательствам. Он сдалсЯ. Просто опустил руки. То, что раньше бы возмутило, заставило защищать своё достоинство, здесь не вызывало ни капли недовольства, всё было так как должно быть. Давид смирилсЯ быстро, настолько быстро, что даже сам удивилсЯ. Он ожидал от себя мужества, стойкости, он верил в то, что всё вынесет, не сломаетсЯ. Но все надежды разлетелись в прах на первом допросе.

Пытки были чудовищными, боль нестерпимой, и Давид знал – не выдержит. Расскажет все. Это было делом времени. На допросах он собирал последние капли мужества. Его никто ни о чём не спрашивал. Ему как будто верили на слово, задавали одни и те же вопросы. Но Давида не покидало гадкое неприятное чувство, что это фарс. Инквизитор Гюнкейль осторожно, изредка, не позволяя себе повторяться, намекал на то, что еврея могут отпустить. Но только с условием, если он окажет инквизиции небольшую услугу. Он, Гюнкейль, конечно уверен, что донос с полным правом можно объявить ложным. Ведь были же случаи, когда людей арестованных по доносу отпускали. Давид морщил лоб, пытаясь вспомнить про такой случай, но тут же спохватывался.

– Я ни в чём не виноват! Донос ложный!

– Ну, конечно же, – Клауделино согласно кивал, – мы тебе верим.

– Но если вы мне верите, тогда отпустите меня.

– Отпустим. Скоро отпустим.

Но его никто не отпускал. Давид чувствовал, что всё это, какая-то непонятная игра. Верят кому-то другому. А его готовят к чему-то страшному, наверное поэтому и нет прямых вопросов, наверное поэтому и разыгрывается спектакль.

Идея возникла как бы сама собою. Давид и не заметил, что подбросил её инквизитор. Это было сказано вскользь, мимоходом: пытки могут прекратиться, если он перестанет упрямиться и пойдет на сотрудничество с инквизицией. Еврей

отказался, точнее, сделал вид, что ничего не понял, но уже в следующее мгновение, когда его потащили к кипятку, грубо раскаялся в поспешном отказе. Давид сдался, он решил принять все условия и правила непонятной ему игры, странного обмана, где не ясно, кто кого пытался перехитрить.

Поначалу он сопротивлялся, отгонял от себя страшные, греховные мысли. Утешал себя тем, что открыто ничего не говорилось, а его просто проверяли и вполне возможно обман удался. Следовало немного потерпеть, собрать все силы и всё стерпеть. А если Гюнкейль не обманывал, если его действительно могли отпустить? Взамен... Какая-то слабость опутывала душу. Давид чувствовал, что устал сопротивляться. Он подозревал – они уже давным-давно все знают. И, несмотря на то, что прошло тридцать лет и он сам сильно изменился, инквизитор всё-таки узнал его. И теперь.... Теперь всё в руках Господа, возможно, самого жестокосердного существа.

Инквизитору нужны имена, именно поэтому он ещё жив. Имена друзей, товарищей. Имена... Давид перебирал их в уме и всё никак не мог решиться. Кого назвать? Все, когда-нибудь кого-нибудь предают. Все, рано или поздно совершают сделку с совестью. Только объясняют это по-разному, часто прикрываясь высокими идеями. А у него идея простая – жить хочется. Почему он должен о ком – то думать? А кто подумает о нем? Кто вытащит его из этого ада? Главное спастись любой ценой, а там... будь что будет. Спасение

любой ценой... для него это уже не в первый раз. Любой ценой... Давиду стало жутко и мерзко, с самого рождения он такой, или его таким сделали? Но кто? Жизнь, обстоятельства, как всегда отвечал он себе. Уткнувшись лицом в гнилую солому, еврей тихо плакал. Он вновь хватался за бессмысленные надежды: быть может всё ещё обойдется. Глотая слёзы, Давид испуганно прислушивался к судорожному биению сердца. Может всё ещё можно изменить или хотя бы исправить? Он знает Гюнкейля, как свои пять пальцев, этому «мясорубу» следовало быть апостолом, а не инквизитором. Он попросит о небольшой услуге. Как это ни странно, но инквизитор, человек слова, и если он назовёт несколько имён, то Гюнкейль будет молчать о доносчике. Давид немного успокоился. Он не хотел носить клеймо Иуды, не хотел, чтобы после смерти глумились над его именем. Потом, если повезёт, и он будет жить, он исповедуется. Он расскажет, как ему было тяжело и страшно. Его поймут и простят. Для этого Бог и нужен. Засыпая, еврей перебирал в уме всех, кого решил выдать. Он вспоминал лица друзей, которых отправлял на смерть. Во сне было страшно, он всё время куда-то бежал и незнакомый тихий голос нащёптывал имена. А потом всё проваливалось, исчезало... И его навещали прекрасные видения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.